

В. Г. Попов

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

К вопросу об этимологии названий мифологических водяных духов у якутов

Одной из наиболее интересных лексико-семантических групп в плане сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического изучения является лексика мифологического пантеона. В статье рассматриваются имена и названия якутских мифологических водяных духов – уу иччилэрэ. В ходе работы выявлены все известные имена и названия якутских водяных духов, описаны их функции, проанализированы результаты предыдущих исследований и проведены собственные этимологические изыскания. Найдены иноязычные параллели, сделана попытка реконструировать архетипы, проследить через какие языки слова попадали в якутский язык, в результате чего сделаны выводы о тюркских, монгольских и китайских корнях рассмотренных названий водяных духов.

Ключевые слова: этимология, сравнительно-сопоставительное изучение, мифология, лексико-семантическая группа.

Согласно старинным представлениям якутов, существуют два рода водяных (по А. Е. Кулаковскому). Первый род – это дух-иччи **Күөх Боллох тойон**. По утверждению А. Е. Кулаковского, Күөх Боллох тойон вытеснен из памяти народа особыми духами-иччи каждого озера или реки, существами женского пола, которых называют бабушками Эбэ. С ними связан ряд поверий. Им приносят жертву через огонь, иногда льют водку в прорубь. Они дарят людям рыбу, поэтому считаются добрыми, но могут стать и злыми. Когда спустят большое озеро, то его дух-иччи может взять кого-либо из людей. Если в осенней подледной неводьбе будет кто-либо из дома покойника, то духами-иччи озера отворачивается и не дает рыбы в этом году, иногда навсегда. В противовес им Күөх Боллох тойон представлялся добродушным стариком, одетым в рыбью чешую или сети, с волосами и бородой из водорослей. Существует поверье: нельзя ронять в прорубь железные вещи, чтобы не поранить духа – хозяина воды Күөх Боллох тойона. Большим грехом считается (вернее, считалось) падение в воду пешни или железной лопаты. Упавший предмет старались достать немедленно, если пешня падала зимой, то даже ныряли в прорубь. Достав упавший предмет, извинялись перед духом воды [Серошевский, 1993, с. 649; Кулаковский, 1979, с. 43; Эргис, 1974, с. 123; Эргис 1960, ч. 1, с. 242, 243; ч. 2, с. 34; Емельянов, 1980, с. 366; Гоголев, 1994, с. 25]. Название этого духа составное из тюркских и монгольских слов: якут. күөх

Попов Владимир Гаврильевич – младший научный сотрудник сектора лексикологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, Якутск, 1677007, Россия; monalk@mail.ru)

< тюрк. *көк* ‘синий, голубой, зеленый’; якут. *боллох*, диал. *болдох* ‘кочка’ < монг., бур. *болдог* ‘холм, бугор’; якут. *тойон* ‘господин, владыка’. Еще в словаре Э. К. Пекарского указано на др.-тюрк. *тойын* ‘монах, буддийский священник’ [Пекарский, 1959, стб. 2706]. В новое время, в первой половине XIX в., термин *тойон* широко распространился, посредством работавших на Российско-американскую компанию Г. И. Шелихова якутов и русских, в языках американских алеутов, алютиков, тлинкитов, у которых до сих пор имеет широкое хождение в качестве названия вождей племен и родов. Интересно, что др.-уйг. *тойын*, *тойун* ‘буддийский монах’ [ДТС, с. 572] восходит к кит. *дао* ‘Путь (Абсолют)’ и *жэнь* ‘человек’, т. е. ‘человек Пути самосовершенствования; человек Дао-Пути’. Название *Күөх Боллох тойон* возникло, вероятно, в собственно якутской среде и не имеет прямых параллелей в мифологическом пантеоне других народов.

Необходимо остановиться и на духах-иччи *Эбэ*. Слово исконно тюркское, встречается еще в словаре Махмуда Кашгарского в виде *аба* ‘мать’ [ДТС, с. 1]. Ср. тур. *эбэ* ‘повивальная бабка’, тат. *эби* ‘бабушка; теща; повитуха’; башк. *эбей*, *эбекэй* ‘бабушка; старая женщина’. Возможно, якут. диал. *эбээ* ‘бабушка’ имеет отношение к монг. *эмээ* ‘бабушка, бабка’. Что касается первичности *Күөх Боллох тойон* и *Эбэ*, мы считаем, что у различных этногрупп якутов бытовали разные названия водяных духов, отличались и их описание и функции.

Водяные второго рода – *сулукун*, *суллукун*, *суллукун*; *Уукаан ошоньор*, *Уукун*, *Укулаан*, *Улокань* (*Уу-луу-хаан*). По мифологическим представлениям якутов они похожи на людей, отличаются отсутствием бровей и иногда остроконечными головами. Живут в воде семьями: муж, жена и дети. Вылезают из воды во время *Танха* (якутского аналога славянских Святков) и живут по кладбищам, пустующим старым домам и постройкам. Они очень любят играть в карты, могут играть с людьми. Считается, что выигранные у *сулукун*ов деньги превращаются в мох и мусор, а мусор, подобранный у них, – в настоящие деньги. *Сулукун*ы считаются очень богатыми, и жертв им не приносят. Существовало поверье: подслушав разговоры водяных-*сулукун*ов, можно узнать, что будет с людьми в предстоящем году. Для этого люди, накрывшись одеялом, сидели у дорог, у проруби, в пустых домах, у коновязи нежилых домов [Кулаковский, 1979, с. 44; Эргис, 1974, с. 120–121; Ахметьянов, 1981, с. 58–61; МС, с. 511; Пекарский, 1959, стб. 2390–2391; ЯРС, с. 348; Фасмер, 1973, с. 438].

По мнению автора классического труда по якутской мифологии и верованиям А. Е. Кулаковского, слово *сулукун* представляет собой испорченное русское *шуликун* ‘водяной’. Действительно, у ряда народов России и Восточной Европы существовало поверье о мелких антропоморфных водяных бесах, вылезающих из проруби на период с Рождества по Крещение, во время Святков. У русских это *шуликуны*, *шиликуны*, *шулюканы*, *шулюкуны*, *шликуны* – сезонные демоны, связанные со стихией воды и огня, появляющиеся в сочельник Рождества из проруби (иногда на Игнатьев день – 20 декабря) и уходящие назад под воду на Крещение. Живут в указанный период шуликуны нередко в пустующих и заброшенных сараях и домах, всегда артелями, но могут забраться и в жилую избу. Могут иметь конские ноги и заостренную кверху голову, изо рта у них пылает огонь, они носят белые самотканые кафтаны с кушаками и остроконечные шапки. На Святки они собираются на перекрестках дорог или около прорубей, встречаются и в лесу. У коми *шулейкин* (или *чуд*) ‘водяной’. Это маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды «в день Нового года и до Крещения разгуливают свободно, по ночам пугая людей» [Белицер, 1958, с. 319]. Тат. диал., башк. *шүлгэн* ‘злой дух, один из двух сыновей первочеловека Адама, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада скота’ [БХИ, с. 33–144, 145–187].

Шуликун (*шүлгэн*) 'подводный царь' распространен у многих народов Восточной Европы и Сибири. Под другими названиями – *каракоджалы*, *каракондулы*, *караконджо* – водяные демоны с теми же отличительными признаками, что и *шуликун*ы, встречаются и у южных славян – болгар, македонцев, сербов и у неславянских народов Балкан. Ареал распространения понятия и слов, его обозначающих, огромен – от Якутии до Балкан. Так откуда же появилось это слово? Каково его происхождение?

Из русских исследователей впервые обратил внимание на демонов-шуликунов еще М. В. Ломоносов. В своих черновых набросках и заметках о русской мифологии он дал списки известных ему или наиболее существенных с его точки зрения персонажей мифологического пантеона и предложил параллельную схему римской и русской мифологии. Например: «леший, полудница, шиликун, водяной, домовый, бука, нежить, кикимора, яга-баба, обмены, вспометовать все их действия. Змей летает с лешим будто бабы живут Русалки» [Ломоносов, 1940, с. 314–315].

После этого в течение целого столетия или даже более слово *шуликун* не привлекало к себе внимания ученых и лишь к концу XIX в. заинтересовало исследователей в связи с его бытованием в якутской среде (в форме *селикан*, *сюлюкан*). В 1870–1880-х гг., путешественник А. Павловский и этнограф А. П. Щапов писали о якутских сюлюкюнах как о компоненте якутской мифологии, который был заимствован русским населением Сибири [Павловских, 1863; Щапов, 1872].

В своей работе, вышедшей в 1896 г., В. Л. Серошевский пишет: «...сюлюкюн, фигура очень подозрительного, славянского, по моему мнению, происхождения» [Серошевский, 1993]. Известный современный исследователь славянской мифологии и крупнейший российский этнолингвист Н. И. Толстой, наиболее полно изучивший слово *шуликун*, использует это противоречивое высказывание В. Л. Серошевского как козырь для подтверждения своей гипотезы о славянском происхождении русского слова *шуликун*. Вот что он пишет по этому поводу: «...еще в конце XIX века В. Л. Серошевский указал на возможность обратной ситуации – влияния в этом случае русских на якутов» [Толстой, 1995, с. 271]. Однако в примечаниях В. Л. Серошевский отмечает: «Русские Иркутской губернии водяного называют шюлюкюн. Это слово, кажется, бурятское» [Серошевский, 1993, с. 646].

В 1920-х гг. видный этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов, опубликовал отдельный очерк «Шулюканы. Заметки по поводу о культурном взаимодействии русских и якутов», где показал, что эти название и понятие известны далеко за пределами Якутии и распространены в районах, не находившихся в каком бы то ни было соприкосновении с якутами (в Сибири и на Русском Севере). Более того, он утверждает, что если даже слово *сулукун* неславянского происхождения, то все равно «к якутам принесено славянами и вошло в мифологию якутов вместе с христианством» [Виноградов, 1927, с. 23]. Данное положение Г. С. Виноградова поддерживает Д. К. Зеленин, посвятивший этому обстоятельную работу (1930). Он отмечает: «Непонятно распространение этого имени с крайнего востока Азии на север Европы; противоположное направление, вместе с русской колонизацией Сибири, было много понятнее» [Зеленин, 1930, с. 236]. Однако Д. К. Зеленин отрицает славянские истоки слова *шуликун*. Наиболее весомым аргументом в пользу неславянского происхождения слова он считает его крайнюю фонетическую устойчивость и приводит известные варианты: *селикан*, *шеликан*, *калыккан*, *шольган*, *шилихан*, *шулюкан*, *шуликан*, *шиликун*, *шилкун*, *шаликун*, *шуликун*, *шелюкан* [Зеленин, 1930, с. 237]. Истоки слова *шуликун* Д. К. Зеленин искал в Волжской Булгарии и считал, что, возможно, «волжские болгары были центром, откуда в глубокую старину распространялось это слово вместе с самим понятием». Далее

он заключает: «Очень близкий к *шуликуну* демон *вежо* волжских финнов и чуваш почти не оставляет сомнения в том, что волжским булгарам был известен соответствующий мифологический образ. Из турецких языков наше загадочное слово *шуликун* легко объяснимо. В османском, джагатайском, барабинском и казак-киргизском языках известно слово *sülük* в значении ‘пиявка’. Предполагаемое турецкое *sülük-kan* означало бы ‘хан пиявок’, что вполне приличествует мелким водяным духам, детишкам водного хозяина» [Там же, с. 234]. Так возникла первая этимология слова *шуликун*. Заметим – тюркская этимология.

Финскую этимологию слова *шуликун* предложила О. А. Черепанова в своей заметке о северорусской демонологической лексике. Она обратила внимание на женский головной убор мордовского населения Саратовской губернии – шалыган или шилыхан, который иногда понимается в значении *шуликун* (единичная фиксация А. А. Шустикова в Вологодской губернии). Как правильно отмечает Н. И. Толстой, О. А. Черепанова из разных известных ей фонетических вариантов выбрала форму *шелихан* как исходную, но установив, что она относится к единичной фиксации, и не проверив ее этимологию, построила ряд *шелихан – шеликон – шиликун – шуликун* [Черепанова, 1975, с. 131–132]. Н. И. Толстой устанавливает обратный порядок развития и указывает форму *шуликун* как исходную. Также он отмечает, что «мордовские истоки русского слова *шуликун* маловероятны не только из-за значительной удаленности саратовской мордвы от бывш. Архангельской, Олонецкой, Пермской и Вятской губ., но и потому, что русские *шуликуны* в большинстве своем остроголовые или в остроконечных шапках» [Толстой, 1995, с. 135].

Монгольско-китайское происхождение слов *шулейкин – шулгэн – шуликун – сүлүкүн* предлагает татарский исследователь Р. Г. Ахметьянов. При всей, на первый взгляд, фантастичности гипотеза интересная. Р. Г. Ахметьянов считает рассматриваемые нами слова звеньями одной цепи, полагая, что они монгольско-китайского происхождения, производные от кит. *шуй-лун-хуан* ‘император водных драконов’ – в китайской мифологии главный управляющий реками, морями и облаками дух [Ахметьянов, 1981, с. 58]. Под его начальством находятся драконы – владыки четырех морей и двенадцать драконов дождя, которые весной поднимаются в небо и лежат на облаках. Если совсем нет дождя, то необходимо умилостивить шуй-лун-хуана, для этого в реку бросали различные жертвы и даже девушек. В некоторых легендах сообщается, что два дракона дождя вообще были лишены способности подниматься в небо за свои злодеяния, а именно – за кровопролитие (Р. Г. Ахметьянов указывает на схожую легенду о Шулгэне) [Там же, с. 58]. Кит. *шуй-лун-хуан* < *суй* ‘вода’, *лун* (др.-кит. *klun, krun*) ‘дракон’ [Яхонтов, 1976, с. 78–87], *хуан* ‘император, владыка; желтый’. Шуликун и суй-лун-хуан имеют дестинктивные признаки, а именно – связь с новогодними обрядами. Считалось, что если шуликунов в ночь Нового года вылезет много, год будет плохим, поэтому северные русские выходили «топтать шуликунов». Точно так же обилие драконов дождя было у китайцев плохим признаком [Ахметьянов, 1981, с. 59]. Р. Г. Ахметьянов, проводя параллели дальше, также указывает на то, что башкирский *шулгэн* и китайский *шуй-лун-хуан* – хозяйева воды и дождя, имеют по красавице-дочери, которые влюбляются в обычных людей. По татарским народным легендам, птица *шулгэн, шулегэн, шэулегэн*, с которой отождествляют коршуна [Ахатов, 1977, с. 57] или иволгу (аляпку), является дочерью подводного царя. Она вылетает из воды в поисках своего сына и призывно поет перед дождем (грозой). По китайским легендам драконы воды и их дети (особенно дочери) часто превращаются в птиц и другие существа.

Также Р. Г. Ахметьянов пишет, что «в одной чувашской сказке невестка подводного царя, превратившись в птичку, обращается к мужу (или деверю)

с песней... и называет его словом *шелейук*, *селейук* [Paasonen, 371–379]: это и мар. *шюлюш*, чув. *сюлюсюн* – некий дух [Смирнов 1889, 246]» [Ахметьянов, 1981, с. 59].

Приводя массу правдоподобных и натянутых доводов, Р. Г. Ахметьянов приходит к выводу, что русск. *шиликун*, *шуликун*, вероятно, заимствовано из языка коми на севере, а вариант *сюлюкюн* – из якутских диалектов [Там же, с. 60].

В поисках контрдоводов мы открыли «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, однако он не дает ответов: «*Шуликун*, *шуликон*, ‘святочный, ряженный’, архан. (подв.), *шиликун* – тоже (Даль). Не ясно. Ср. “*шулуган*, *шульхаться*”. При этом *шулуган* ‘шалун, повеса’, *шульхаться* ‘болтаться’» [Фасмер, 1973, с. 484–485].

Вернемся к тщательно проведенному исследованию Н. И. Толстого. Вот что он пишет в ответ Р. Г. Ахметьянову: «...приблизительное фонетическое и еще более рискованное семантическое и функциональное сближение (по связи с новогодним обрядом) делает рассуждение Р. Г. Ахметьянова малоприемлемым, во всяком случае, для этимологии русского слова *шуликун*. Сомнительно и предположение о различном происхождении русского *шуликун* (заимствование на Русском Севере из языка коми, а в Якутии – от якутов). И все же в принципе и применительно к другому материалу нельзя отрицать некую общность древних евразийских представлений о сверхъестественной силе... однако следует начинать его изучение с более надежных сопоставлений в меньших и более четко очерченных зонах» [Толстой, 1995, с. 274].

Сам же Н. Т. Толстой, рассматривая этимологию и историю слова *шуляк* ‘ястреб, коршун’, отмечает, что ястреб и коршун могут иметь еще названия: русск. *шулик*, *шульпек*; укр. *шуляк*, *шулик*, *шулика*, *шулека*, *шулень*, *шулан*. Часть этих лексем может относиться также к «не завившемуся кочану капусты». По мнению Н. И. Толстого эти слова восходят к прослав. **suji* [шуй] ‘левый’, ‘плохой’, ‘нечистый’, ‘неправедный’, ‘негодный’ (противопоставленному **desнь* [деснь] ‘правый’ и **pravь* [правь] ‘правый’, но чаще ‘прямой’, а также ‘справедливый’, ‘истинный’, ‘праведный’, ‘годный’; ‘правода’, ‘право’, ‘правда’ и др.) [Там же, с. 277]. Далее Н. И. Толстой пишет: «поэтому трудно говорить о семантической изолированности слова *шуликун*... нельзя говорить и о словообразовательной изолированности, так как суфф. -ун, означающий (так же как и суфф. -ик) действующее лицо, широко известен в славянской демонологии и в первую очередь в русской демонологии (ср. беларусс. *морун*, *тряпун* ‘падучая’, укр. *чаклун* и т. п.). Р. О. Якобсон не без основания видел в слове *Перун* тот же суфф. -ун, который “безусловно обозначал издревле именно действующее лицо”» [Там же, с. 278]. Как отмечает далее Н. И. Толстой, в большинстве случаев этот суффикс действующего лица присоединялся к отглагольным корням (*шептун*, *шатун*, *лизун*), но известны случаи, к тому же и на Русском Севере, когда он присоединялся к корням прилагательного: *белый* + -ун < *белун* ‘род доброго домового; белобородый, в белом саване и с белым посохом: является с просьбою утереть ему нос и за это сыплет деньги носом’.

Однако, на наш взгляд, мнение Н. И. Толстого несколько натянуто. В первую очередь, это географическая обособленность, так как в средне- и южновеликорусских диалектах слово *шуликун* не зафиксировано, нет и его и в украинском и белорусском языках. Приведенные же Н. И. Толстым болг. родоп. *шулек* ‘незаконнорожденный ребенок’, южномакедон. кукушк. *шулко* ‘обращение к еще не крещеному мальчику’ представляются нам семантически неприемлемыми для сравнения с русским словом *шуликун*. Хотя есть в русском языке: забайкальск. *шиликуны* ‘группа играющих детей’, *шуликан* ‘святочный пирог’, приамурск. *шилуканы*, *шилюки* ‘маленькие дети, мелюзга’, однако серьезной опорой они не мо-

гут быть, поскольку зафиксированы лишь новейшими словарями русских говоров Сибири и Дальнего Востока. Так же слова *шулек*, *шулке* вполне могли быть заимствованы южными славянами у тюркских народов: древних булгар, турков и пр., ведь семантически очень похожие на русских шуликунов южнославянские водяные демоны караконджалы, каракондулы, караконджо заимствованы у турков (турецк. ‘ночной сезонный демон’). Также суффикс *-ун* присоединяется, как правило, к отглагольным корням и практически редко, в единичных случаях, – к прилагательным. Интересно сравнить приведенное Н. И. Толстым русское слово *шулик* ‘коршун’ со словом *шулгэн* ‘дочка подводного царя, в виде коршуна, из татарских легенд’, упомянутым Р. Г. Ахметьяновым.

В якутской мифологии, кроме *сүлүкүн*, известны и другие названия водяных духов: *уукун*, *укулан* и *улокань*.

Нам интересен именно последний вариант, приведенный А. Е. Кулаковским, – *улокань* в русской транскрипции или *уу-луо-хаан* [Кулаковский, 1979, с. 44; Пекарский, 1959, стб. 3006]. По нашему мнению, *Уу-луо-хаан* – все тот же скалькированный кит. *шуй-лун-хуан*. Кит. *суй*, *шуй* – др.-тюрк. *суь*, *суб*, *суб* – якут. *уу* ‘вода’; кит. *лун* ‘дракон’ – др.-тюрк. *лу* ‘дракон; змея’ – якут. *луо* ‘дракон; мифическая рыба Нижнего мира’; кит. *хуан* ‘желтый; император’ – др.-тюрк. *хан* – якут. *хаан* ‘правитель, владыка, хан’. Можно предположить, что *сүлүкүн* и *уу-луо-хаан* восходят к одному корню – кит. *суй-лун-хуан* ‘повелитель водяных драконов’. Эволюции этих слов шли разными путями. По нашему мнению, якут. *уу-луо-хаан* трансформировалось из кит. *шуй-лун-хуан* посредством возможного др.-уйг. *суь-лу-хан*, претерпев всеми составляющими это слово корнями исторически сложившиеся фонетические изменения. А вот якут. *сүлүкүн*, *сүллүкүн* пришло в язык якутов опосредованно через гипотетический др.-уйг. *суь-лу-хан* и монгольский язык. Слово прошло все такой же начальный путь: *шуй-лун-хуан* > *суь-лу-хан*, затем при попадании из древнеуйгурского в монгольские языки, возможно, незнакомое монголам по звучанию и значению сложное слово преобразовалось в более понятное. Например: др.-уйг. *суь-лу-хан* могло быть созвучно бур., монг. *сүлү* ‘пустынный’ + бур., монг. *хун* ‘человек’, ведь по мифологическим представлениям якутов (возможно, и их предков) *сүлүкүн*’ы на *танха*, календарно совпадающий со Святками, выходят из прорубей и селятся в пустующих домах, и потому такая бурятская интерпретация не кажется натянутой. Далее: *сүлүхун* > *сүлүкүн*.

Также интересно отметить, что якут. *луо* можно перевести и как ‘мифическая железная рыба’, и как ‘дракон’, и как ‘водный демон’, смотря в каком контексте и в каких сочетаниях слов оно использовано, а антропоморфность, непохожесть на дракона якутского *сүлүкүн* и прочих евразийских аналогов можно объяснить через тибетскую мифологию. У тибетцев Великие драконы, аналогичные китайским (дракономорфные), обозначаются словом *друк*, а словом *клу* обозначаются небольшие водяные духи, тоже называемые драконами. Общеизвестно, что, например, монгольское слово *луу*, древнеуйгурское *лу* ‘дракон’ фонетически восходят к тибетскому *клу*, поскольку эти народы восприняли ваджраяну – тибетское направление буддизма. Однако семантически *луу* и *лу* более близки к китайскому *лун* ‘дракон’. Возможно, было и использование тибетского *клу* в значении ‘мелких водяных духов’. Тогда *сүлүкүн*, *уу-луо-хаан* можно было бы перевести, как ‘повелитель водных духов; повелитель мифических подводных существ; повелитель водных демонов, водяных’. Возможно, вследствие метатезы слова *уу-луо-хаан* произошло другое слово с тем же значением *укулаан*, а *уукун* представляет собой якут. *уу* ‘вода’ + бур. *хун* ‘человек’ [Попов, 1986, с. 130].

Таким образом, мы считаем, что якутские слова *сүлүкүн*, *уу-луо-хаан*, *укулаан*, *уукун*, а также тат., башк. *шулгэн*, коми *шулейкин*, чув. *сюлюсюн*, мар. *шулюш*,

др.-булг. *шарокань* ‘дракон’ и др. восходят к китайскому слову *суй-лун-хуан*. Из китайского языка в тюркские слово перешло, видимо, через древнеуйгурский язык. И вполне можно согласиться с Р. Г. Ахметьяновым о том, что русск. *шуликун* – производное от коми *шулейкин* и якут. *сүлүкүн*.

Список литературы

- Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология. Уфа, 1977.
Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.
Бёлицер В. Н. Очерки по этнографии народов Коми // Труды института этнографии. М., 1958. Т. 12.
БХИ – Башкорт халк ижады. Эпос. Уфа, 1972.
Виноградов Г. С. Шулюканы // Очерки истории Якутского края. Иркутск, 1927.
Гоголев А. И. Мифологический мир якутов. Божества и духи-покровители. Якутск, 1994.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980.
Зеленин Д. К. Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских // *Lud Słowiański*. Krakow, 1930. Т. 1, z. 2. DZ. V. S. 220–238.
Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск, 1979.
Ломоносов М. В. Избранные философские сочинения. М., 1940.
МС – Мифологический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
Павловский А. Поездка из Якутска на Угорскую Ярмарку // Западно-Сибирское отд-ние Рус. геогр. о-ва. 1863. Т. 6, отд. 1.
Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. М., 1959.
Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). Якутск, 1986.
Серовский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
Толстой Н. И. Шуликуны // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 4.
Черпанова О. А. Демонологическая лексика северорусских говоров // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 131–137.
Щапов А. П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Изв. Сибирского отд-ния Рус. геогр. о-ва. 1872. Т. 3, № 4.
Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. М.; Л., 1960.
Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
ЯРС – Якутско-русский словарь. М., 1972.
Яхонтов С. С. Начальные *r* и *l* в древнекитайском языке // Востокведение. Л., 1976. Вып. 2. С. 78–87.

V. G. Popov

On the etymology of the names of mythological water spirits among the Yakuts

One of the most interesting lexico-semantic groups, in respect of comparative and historical studying, is the lexicon of a mythological pantheon. In this paper the author considers the names and appellations of the Yakutian mythological water spirits – *uu ichchilere*. He describes all the known names of water spirits, their functions, the results of the previous researches and presents the results of his own etymological investigations. They concern the conclusions to which he has come about Turkic, Mongolian and Chinese roots of the names of water spirits.

Keywords: etymology, comparative investigation, mythology, lexico-semantic groups.